

СПАД МУСУЛЬМАНСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ: СТАТИСТИКА

Работа выполнена в рамках научного проекта «Демократические и национальные возможности политических институций Сербии в процессе международной интеграции» (179909) при финансовой поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербия

Мусульман в мире около 1,6 млрд, и дали они всего двоих лауреатов Нобелевской премии по химии и физике. Оба переехали на Запад. Чем объяснить такой спад мусульманской креативности? Некоторым статистическим данным посвящено данное исследование.

Ислам, наука, государство, институции, политика, национальная идентичность, цивилизация, интеграция.

Muslims is about 1,6 billion in the world, but they gave only two Nobel Prize laureates in Chemistry and Physics. They both moved to the West. How can we explain this decline of Muslim creativity? This research is devoted to some statistical data.

Islam, science, state, institutions, policy, national identity, civilization, integration.

Сегодня оценка ученых и науки производится в количественном и качественном аспектах. В количественном подсчитывается число опубликованных научных работ, их цитируемость, т.е. количество патентов, инноваций, награжденных монографий и их авторов. Но когда дело касается исламских авторов, они просто проспали весь этот период. **«Сон был долгим и глубоким. В 2005-м году Гарвардский Университет опубликовал больше научных работ, чем 17 арабских стран вместе взятых»** [17]. Поразительны данные, что мусульман в мире около 1,6 млрд, и дали они всего двоих лауреатов Нобелевской премии по химии и физике. Оба переехали на Запад. Еще жив химик Ахмед Хасан Зевали, который работает в Калифорнийском технологическом институте. Лауреаты Нобелевской премии по литературе из исламского мира, как правило, осуждаются на смертную казнь или многолетнее наказание тюрьмой (исключение составляют обладатели этой награды из Ирана), из-за произведений, расходящихся с исламом. И в вопросах поддержки науки исламские государства не выглядят безупречно. Так, Организация исламского сотрудничества тратит 0,81 % валового национального дохода на науку, тогда как Америка тратит 2,9 %, а Израиль – целых 4,4 % [17].

Мусульмане не только мало вкладывают в науку, проводят мало исследований, но и переводят недостаточно книг с других языков на арабский. Поэтому известная журналистка и общественный деятель – мусульманка, Иршад Мани, задает (и) следующий вопрос: «Почему весь арабский мир за прошедшие тысячу лет перевел меньше книг, чем это сделала Испания за год?» [16, с. 241].

Известный иракский ученый Али А. Алави комментирует в своей монографии «Кризис исламской цивилизации (и) Спад креативности мусульман», где констатирует: **«В науке и технике статистика действительно пугающая, к тому же еще и депрессивная. Если взять данные 2006-го года, в мусульманских странах-участницах Организации**

исламского сотрудничества (ОИС) было 8,5 ученых и техников на 1000 жителей, в сравнении со средним мировым показателем 40,7 и цифрой 139,3, средним показателем развитых стран. Участие всего исламского мира в области мировой научной литературы составляло 1,17 %, в сравнении с 1,48 % одной только Испании. Страны Организации исламского сотрудничества выделяют 0,3 % валового национального дохода на исследование и развитие, в то время как средний мировой показатель составляет 2,4 %. Список можно продолжать, включая очень небольшое количество опубликованных в журналах статей, к чему стоит добавить и непростую ситуацию в области ранжирования университетов и факультетов, а также выдачи патентов» [14, с. 259].

К этим скромным показателям прибавляется и **делегитимизация гуманитарных и общественных наук**. Это явление становится очевидным, если сравнить различные реакции на Нобелевские премии, присужденные в прошлом веке мусульманским авторам. Спустя девять лет после того, как Нобелевскую премию по физике получил Абдус Салам, в 1988-м того же признания, на этот раз по литературе, удостоен Нагиб Махфуз. Эта награда намного слабее и совсем по-другому была воспринята в общественности. Нобелевская премия, присужденная Махфузу, вызвала смущение и даже критику в отдельных исламистских и консервативных кругах, поскольку раннее исламская цензура осудила писателя за его романы «Истории нашего квартала» и «Дети нашего квартала». Различные реакции на одну и ту же награду, присужденную сначала в области точных наук, а затем по литературе, указали на то, что существуют внутренние раздоры в мусульманском обществе. **Гуманитарные науки постулируют неуверенность, относительность единства, подрывают стабильность сообщества**, по мнению некоторых, и, следовательно, связываются с ослаблением органического единства, находящегося в основе догмата о

единстве Божиим; в то же время точные науки, напротив, подтверждают существование Бога. То, что в биографических сведениях о выдающихся личностях исламского радикализма часто указываются дипломы технических школ или университетов технической направленности, подтверждает подобный образ мыслей. Кроме того, наука и техника – носители глобализации, которая приводит и к укреплению ислама в мире, – считают другие.

Крайности в том, что даже те мусульмане, которые не принимают экстремизм (фундаментализм), считают, что не нужно следовать западной науке, особенно общественной, так как, по их мнению, это приводит к разрушению традиционных духовных ценностей и навязывает отчуждение и алчность [16]. В данном контексте необходимо понимать, что древние арабы переводили с греческого языка научные труды, но не литературные. Отказ от гуманитарных и общественных наук, однако, ведет идеологов радикального исламизма или неополитизма в некий социологический тупик, из-за того, что таким образом прерывается древняя связь культуры и религии [13, с. 76].

Этот вопрос чрезвычайно важен для всех народов, соседствующих с мусульманами, т.е. и для сербов [5], [6], [7]. Не секрет, что мусульманские политики, священнослужители и отдельные «ученые» из этого культурного круга самым грубым образом фальсифицируют историю, литературу, а также и результаты других наук и ученых, чтобы доказать утверждения, заданные религиозными лидерами из Сараево или Стамбула [4, с. 225 – 228]. Отдельная проблема в том, что сербы, в основном, сталкиваются с суннитским исламом, принесенным на Балканы османами во время завоевания этой территории, а у него нет рационалистической традиции, исключая быстро подавленную рационалистическую школу *мутазили* IX века. (Само это утверждение для мусульман спорно, так как они считают турок не завоевателями, а распространителями прогресса и цивилизации). Именно по религиозным причинам некоторые мусульмане Боснии и Герцеговины не принимают научную истину о себе, а развивают фальсификацию фактов, чтобы привести свою идентичность в согласие с требованиями ислама, точнее, улемов. Однако такое явление может приписываться и заданным политическим требованиям, когда для любого народа создается новый этногенез, который должен отвечать новым политическим запросам. Конечно, в науке нельзя действовать избирательно. «Речь идет о в перспективе вредном и опасном продолжении инерции движения по линии интеллектуальной вялости, догматической жесткости и самодовольства, происходящих из **чувства превосходства** без какого-либо должного покрытия» [18, с. 185].

Однако здесь объективные ученые должны попросить помощи ученых со всего мира, которые должны понимать истину и поддержать коллег, ищущих полной истиной картины [1, с. 39 – 68].

Причины равнодушия некоторых мусульман к науке

Как правило, колебания исламских теологов, когда речь идет об обсуждении отношения ислама к науке, следующего порядка. Некоторые мыслители считают, что ислам и прогресс не согласуются, т.е. что первый представляет собой препятствие для развития общества, аргументируя это окаменением жизни мусульман. Другие к исламу относятся с подозрением, так как для них это религия, которая принуждает верующих учить наизусть религиозные тексты, носить чалму и перебирать четки. Теологи же на это отвечают, утверждая, что те забывают о колоссальном вкладе мусульманских ученых в развитие мировой науки, сделанном в то время, как в Европе процветал религиозный фанатизм [2].

Из консультативной литературы понятно, что многочисленные авторы, когда речь заходит о причине научной инертности мусульман, приводят множество причин. Так, некоторые винят (предположительно) врожденное неприятие ислама по отношению к науке и подчеркивают, что некоторые исламские «университеты», кажется, больше склонны к молитве, чем к учебе. Например, в Университете Куэйд-и-Азам в Исламабаде три мечети в студенческом городке, планируется построить и четвертую, но нет ни библиотеки, ни книжного магазина. **Заучивание наизусть религиозных текстов, особенно Корана вместо критического размышления – особенность высшего образования во многих исламских государствах.** Именно так рассуждает Иршад Мани, считающая, что причина того, что мусульмане не занимаются наукой, в том, что «мозги мусульман заняты, и что проблема ислама в том, что в нем преобладает буквально чтение Корана» [16, с. 14].

Ошибочная политика некоторых правительств, подобно властям Саудовской Аравии, которые, к примеру, поддерживают издание книг для исламских школ, наподобие таких как «Неоспоримые чудеса Корана: факты, которые наука не может отрицать», указывает на внутренний конфликт между верой и разумом.

«Исламская цивилизация, – подчеркивает Алави, – занимала в свое время ключевую и командную позицию в мировой истории. Однако пересмотр мирового уклада в соответствии с современными нормами и огромные технологические, культурные, военные и экономические силы Запада, сконцентрированные, как есть, вокруг Соединенных Штатов, а также все более и вокруг Восточной Азии, определили ей по сути своей подчиненную, даже незначительную роль. Кажется, что ислам, даже если посмотреть на его словарь, в конфликте с остальным современным миром» [14, с. 46].

В свое время бывший премьер Малайзии Махатхир Мохаммад говорил, что наука исчезла в исламском мире благодаря приходу исламских теологов, начавших утверждать интерпретацию ислама, согласно которой наука не должна выходить за рамки изучения шариатских наук [14]. Второй фактор –

прекращение поддержки ученых со стороны халифов и султанов. Точнее, не существовало какого-либо другого способа поддержки ученых, кроме личной помощи халифов и султанов, а те под влиянием исламских теологов перестали ученых поддерживать. Современные исламские власти также не поддерживают (достаточно) ученых и науку, так как не выделяют из бюджета достаточные средства на их деятельность.

Распад Римской империи, упадок Запада и прекращение сотрудничества с Византией привели к тому, что в эпоху Ренессанса арабская литература послужила опорой (не более и не менее) для чтения новооткрытой греческой философии и науки. Однако, когда европейцы получили доступ к оригинальным произведениям греческих авторов, их интерес к «арабской науке» быстро угас. Западные авторы здесь подчеркивают, что арабские научные тексты были, в сущности, переводами, в лучшем случае компиляциями и рефератами, созданными задолго до полной исламизации арабов (особенно индийцев, персов, ассирийцев, шумеров и других). Научные сообщества этих народов занимались переводом и написанием рефератов, так как не располагали условиями для собственной научной работы, тогда как речь шла о начале научной деятельности. Поэтому ислам и шариат окончательно подчинили себе все общественные механизмы завоеванных народов, включая образование, и делая акцент на теологических дисциплинах [12].

Вообще, наука в исламском мире понимается исключительно как часть богословия, т.е. изучение Корана, хадиса, преданий и арабских религиозных преданий. Тиби утверждает, что в этом смысле нет оснований называть институты наподобие аль-Азхар в Каире большим и выдающимся центром исламских наук – Университетом. «Некоторые историки ислама ошибочно переводят понятие медреса университетом. Это неправильно, так как если мы понимаем университет как *universitas litterarum*, объединение науки, или хотя бы как копию парижского *universitas magistrorum*, т.е. «сообщество учителей» XIII века, тогда мы знаем, что университет – это место, где свободно и без ограничений исследований создаются различные аспекты рациональной карты мира, что определенно является изобретением Европы [12].

Мусульманский реформатор немецко-сирийского происхождения Бассам Тиби в своей книге «Ислам между культурой и политикой» отмечает: «Рациональная наука в средние века в исламе воспринималась "иностранной ересью", за что ее запрещали. Сегодня исламские фундаменталисты не хотят признавать, что фрагменты рациональной науки в исламе основаны на *улум аль-кудах* (знаниях предков), собственно, на греческом наследии» [12]. В отличие от японцев, которые переняли китайскую культуру и достижения китайской цивилизации, которые проникли в ее сущность и систему ценностей и довели ее до совершенства, «арабский мир» оказался неспособен систематически усваивать культуру покоренных народов, не смог также и полученные научные

знания реализовать и развивать далее. Ошибаются ли те, кто считает, что исламская идеология – одна из главных затормаживающих факторов и причин падения средневековой ближневосточной науки и философии [3], [15].

У Александра Сиротина другое видение взлета и падения науки у мусульман [11]. Так, он следует мысли профессора Сабра из Гарварда, что нет убедительного ответа на этот вопрос, но что после вытеснения мусульман из Испании прервана связь исламских мыслителей и учеников с учеными из Европы. Библиотеки в Кордове и Толедо попали в руки европейцев, что оставило исламских ученых без необходимых средств к работе, а потом прекратилось и их финансирование халифами и султанами, тогда как Запад обеспечил науке средства из производства, а изобретения ученых возвращал в промышленность для улучшения продукции.

В течение XIX и XX вв., когда происходило освобождение от колониализма исламских государств, мусульмане должны были принять западную науку и технику по экономическим и военным причинам, и реформаторы начали борьбу за реформу и модернизацию исламского мира. Реформаторы считали, что если европейцы позаимствовали их знания из «Золотого века ислама», то и мусульмане могут сейчас позаимствовать результаты западной науки. Эти движения за реформу исламского мира дали результаты в Малайзии, Иране, Иордании и частично в Пакистане.

Исследователи отношения ислама к науке выделяют еще два фактора, из-за которых мусульмане отстают в области науки: во-первых, отсутствие среднего класса и, во-вторых, бессмысленное заучивание Корана наизусть, что мы уже упоминали. Так, уверенность в том, что все знания находятся в Коране, тормозит научный прогресс, считает Первез Худбхой. Далее Худбхой подчеркивает, что эта вера является катастрофической для исламского мира, так как препятствует воспитанию и образованию человека, который мыслит, анализирует, спрашивает, сомневается и создает.

Мусульманин Бруно Гуидерони – астрофизик из Национального центра научных исследований в Париже – считает, что мусульмане отстают в области науки потому, что она в их глазах «западная». Другими словами, ученые считают, что консервативная часть мусульман склоняется к использованию современных технологий, но не разделяет научные взгляды на мир, так как они могут поставить под сомнение религиозные догмы.

Алави, однако, считает, что вопреки признанию западных технологий, да и науки, все-таки дошло до того, что, наряду с другими факторами, «относительное ухудшение в плане уровня жизни мусульман неумолимо продолжается еще с 1798-го года, и, возможно, даже усилилось в последние годы, тогда как в то же время в экономической гонке некогда вялые страны вроде Китая или Индии пробились в первые ряды» [14, с. 232].

Поэтому необходимо вспомнить заявление пакистанского политика (бывшего президента этой страны) Первеза Мушаррафа, которое он сделал по поводу 11 сентября (нападения на Башни-близнецы в США). Тогда он сказал то, что знали все, что мусульмане сегодня «самые бедные, самые неграмотные, самые отстающие, самые болезненные, наименее образованные, в наибольших лишениях и самые слабые звенья человеческой расы» [16, с. 172] и что это (и) причина, по которой мусульмане больше не занимаются наукой (см. рисунок).

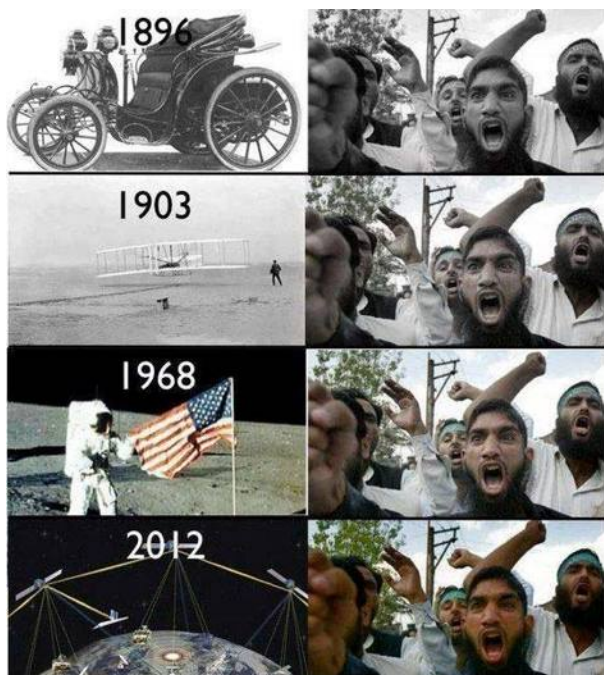

Рисунок. Одно из актуальных и часто используемых западных визуальных представлений отношения ислама к изменениям, а также и в статьях, которые касаются проблемы отношения ислама к науке.

– URL: <http://www.ninevehsoft.com/fiorina.htm>;
<http://wp.gabblgob.net/archives/1510>

Реакция мусульман на западную науку – это попытка нового распространения ислама, причем они требуют, чтобы все ученые в мире признали, что сам Коран – самый надежный источник научных знаний. По словам профессора Переза Худбхои, исламисты критикуют науку и не хотят видеть причины и следствия. Например, в инструкциях для преподавателей и студентов пакистанского Института политических наук рекомендуется не связывать физические явления и их следствия. А когда речь идет о химии, исламисты говорят, что нужно поступить следующим образом: если кислород соединится с водородом, то по воле Аллаха мы получим воду.

Ринат Мухаметов – член экспертной группы Совета муфтиев Российской Федерации – считает, что проблема с наукой в том, что 21 арабское государство сегодня вкладывает 1,5 трлн дол. в экономику западных государств, и только 10 млрд дол. на развитие собственной экономики [9]. Вторая проблема, которую мусульмане должны решить, по Мухаме-

ту, в том, возможен ли симбиоз между традиционными исламскими духовными ценностями и модернизацией?

Вторая половина XIX и первая половина XX вв. представляют собой время самого глубокого упадка исламской цивилизации за всю ее историю. Хотя и сегодня ситуация тяжелая во многих областях, Ринат Мухаметов – оптимист, так как считает, что исламская цивилизация, подобно птице феникс, снова воспарит из пепла [9]. Исламская цивилизация меняется, но остается исламской. Трансформация ислама уже происходила и не раз. Например, исламский мир времен Аббасидов сильно отличается от времени Османской империи, но и одно, и другое – исламский мир.

Все же принимает ли ислам науку?

Спустя десятилетия равнодушия, когда исламом и его цивилизацией занимались только специалисты, дипломаты, путешественники и немногие новообращенные, ислам снова прорвался в западный мир. «Ислам долго считался смертельно раненой цивилизацией, цивилизацией, которая не в состоянии приспособиться к современности и которую, следовательно, может ожидать только судьба маргинализации и окончательного исчезновения» [14, с. 19]. Но Саудовская Аравия будто «начала новую страницу», и в 2009 г. открыла Университет науки и технологии имени короля Абдаллы и обеспечила ему бюджет в 20 млрд дол. [17]. Власти соседнего Катар увеличивали средства на науку, и вместо до тех пор 0,8 % выделили 2,8 % валового национального дохода на науку (около 5 млрд дол. в год). Турция также увеличила вклады в науку. Из-за этого зафиксирован рост опубликованных научных работ с 5000 в год до 22 000. Иран здесь уже лидирует среди исламских государств, ежегодно его ученые публикуют около 15 000 научных работ.

Исследование 2011 года в “Thomson Reuters” показало, что в начале 1990-х гг. исследователи со всего мира в четыре раза меньше цитировали ученых из самых богатых исламских государств по отношению к остальным частям света. Но с того времени многое поменялось, и Иран стал лидером, достигнув 1,7 % всех цитат в мире в области математики, тогда как с частотой в 1 % цитируются работы исследователей из Египта и Саудовской Аравии. Турция улучшила положение в области техники. Также необходимо учитывать различие между суннитским и шиитским исламом, так как второй доминирует в Иране, а у персов почти национальная склонность к рационализму. Потому они и лидеры (были и остались) в исламском мире по вопросу науки. Тем более, что многие другие исламские страны еще спят.

Однако здесь нужно обратить внимание на тот факт, что развитие высшего образования в исламских государствах все-таки существует, т.е. также и науки, но последняя, как, по крайней мере, кажется, развивается в ошибочном направлении. Так, «Оливье Руа отметил, что формирование и передача знаний в

исламе постепенно выходит из традиционных рамок – семинаров и исламских университетов – и переносится на территории, которые постепенно превращаются в главные рассадники исламистского протеста на рубеже восьмидесятых и девяностых: это местные мечети и университетские центры. Такая пространственная делокализация производства знаний сопровождается появлением новой фигуры в современном исламе, фигуры воинствующего интеллектуала, которая формируется в течение девяностых годов» [13, с. 71 – 72]. Их появление («воинствующих интеллектуалов») отмечено не только на Ближнем Востоке, но и в Европе, Боснии и Герцеговине и Сербии.

Русский исследователь Плещунов замечает, что мусульмане Великобритании, что может применяться и к другим государствам, развили большую активность в университетах, но констатирует, что «это связано не столько с получением знаний, сколько с пропагандой ислама и фундаменталистских идей» [10, с. 189]. Во-вторых, Плещунов говорит: «Когда молодые мусульмане приходят в университет, они неуверенные, сомневающиеся, беспомощные, так как они здесь больше из-за давления среды и социального принуждения, чем из искреннего уважения к образованию и науке. Такая ситуация обеспечивает отличную социальную и идеологическую базу для радикальных исламских групп, которые развивают личные отношения со студентами и таким образом склоняют их в свою сторону» [10, с. 190]. Следовательно, с Оливье Руа Плещунов соглашается, говоря: «В начале XXI века все больше отлично образованных мусульман вступает в ряды исламских радикалов и фундаменталистов» [10], [8].

Так мир, борясь с равнодушием ислама к науке, смог хотя бы тех, кто живет не в исламских государствах, как-то направить к университетам, но иногда он получает не искренних любителей науки и гуманистически настроенных ученых, а воинствующих интеллектуалов. Думается, что Саид Кутб – яркий пример такого интеллектуала, и что полная ему противоположность – знаменитый иранский интеллектуал, геолог, физик, геофизик и философ Сейид Хосейн Наср, выпускник известного Массачусетского технологического института.

Перевод Юлии Голяк и Наталии Матюшевой

УДК 93/342.545

Литература

1. *Антонић, С.* Та̀во, историја и феминизам: социолошке пустоловине / Слободан Антонић // Центар слободарских делатности, Крагујевац. – Београд, 2012.
2. *Апшерони, А.* Ислам и наука, взаимоотношения науки и религии / Али Апшерони. – URL: <http://scbook.chat.ru/islam04.htm>
3. Исламская наука вопреки исламу. – URL: <http://sedlev.livejournal.com/46168.html>. 2012. – Апр 26.
4. *Ковачевић, М.* Српско питање на Балкану из перспективе актуелног статуса српског језика, у зборнику / Милош Ковачевић // Српско питање на Балкану ; приредио Момчило Суботић, Институт за политичке студије. – Београд, 2013.
5. *Милошевић, З.* Бошњачко поништавање Срба / З. Милошевић // Завод за уџбенике и наставна средства. – Српско Сарајево, 2004.
6. *Милошевић, З.* Турска и неоосманизам / З. Милошевић // Завод за уџбенике и наставна средства. – Источно Сарајево, 2010.
7. *Милошевић, З.* Ширење идеја блискоисточних исламиста у школама Немачке / З. Милошевић // Политичка ревија, бр. 3. – Београд, 2010.
8. *Милошевић, З.* Современная христианизация мусульман / З. Милошевић // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 2. – Т. 1. – С. 26 – 31.
9. *Мухаметов, Р.* Новое оперативное исламоведение / Ринат Мухаметов. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-upovestka/Novoe-operativnoe-islamovedenie> 04.04.11
10. *Плещунов, Ф.О.* Исламски екстремисти в университетима Великотританије / Ф.О. Плещунов // Ближний восток и современность: сборник статей. – М., 2009.
11. *Сиротин, А.* Взлет и падение науки в странах ислама / А. Сиротин // Наука в Сибири. – Новосибирск, 2002. – № 1 (2337). – 11 января 2002 г.
12. *Шариат, ислам и наука.* – URL: <http://voprosik.net/shariat-islam-i-nauka/> Апр 26, 2012
13. *Alam, Haled Fuad* Globalni islam / Haled Fuad Alam // Službeni glasnik. – Београд, 2012.
14. *Allawi, Ali A.* Kriza islamske civilizacije / Ali A. Al-lawi. – Sarajevo, 2012.
15. *Halilović, S.* Tradicionalno obrazovanje naših muslimana / Seid Halilović // Nur. – Београд, 2010. – № 59.
16. *Manji, I.* Kaj je narobe danes z islamom, poziv k poštenosti in prenovi, Društvo Znamenje / Irshad Manji. – Petrovče, 2008.
17. Nakon stoljeća stagnacija, nauka se vraća u islamski svijet. – URL: <http://www.preporod.com/index.php teme/odgoj-i-obrazovanje/3498-islam-i-nauka-put-ka-obnovi.html>? 19. 4. 2013. Prema The Economist, 26. 1. 2013.
18. *Tanasković, D.* Islam i mi / Darko Tanasković // Partonon. – Београд, 2006.

В.В. Митрофанов

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОЦЕНКАХ С.Ф. ПЛАТОНОВА

В работе предпринята попытка анализа взглядов С.Ф. Платонова на эпоху Петра Великого и его реформы. В приложении помещен ранее не публиковавшийся очерк ученого, относящийся к началу его исследовательской деятельности, который позволит сопоставить оценки и выводы, сделанные С.Ф. Платоновым о великом реформаторе, начиная с 1884 г. и заканчивая 1926 г. Ранняя работа позволяет проследить интерес ученого к эпохе рубежа XVII – первой четверти XVIII вв. и роли императора в преобразовании России.